

УДК 343.9.018:316.4.066

**ПОРТРЕТ КРЫМСКОГО ЭКСТРЕМИСТА И ТЕРРОРИСТА
(КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье систематизированы результаты социологического опроса, посвященного составлению криминологического портрета лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности и террористического характера на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. На основании проведенного анализа обоснована авторская позиция по отдельным вопросам предупреждения проявлений экстремизма и терроризма в регионе. Результаты исследования могут быть использованы в криминологической теории, дальнейших научных исследованиях феноменов экстремизма и терроризма, а также контрэкстремистской и антитеррористической деятельности органов безопасности и правопорядка.

Ключевые слова: город Севастополь, криминологическая обстановка, криминологическая характеристика, предупреждение экстремизма и терроризма, психологические признаки, Республика Крым, социологическое исследование.

Пятая годовщина воссоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополя с Российской Федерацией ознаменована не только интеграцией полуострова в общероссийское политико-правовое и социально-экономическое пространство, реализацией масштабных инфраструктурных проектов, значительными улучшениями во всех сферах жизнедеятельности общества, но и оздоровлением криминологической обстановки в регионе. Последнее во многом коснулось сдерживания внешних и внутренних экстремистских и террористических угроз, нейтрализации их детерминант, что и обусловило актуальность проведенного исследования. Вместе с тем провокации в Керченском проливе, агрессивная предвыборная президентская кампания на Украине и грядущие выборы в украинский парламент в контексте антироссийской риторики также подчеркивают значимость и своевременность научной разведки по данной проблематике.

В этих целях в 2019 г. было проведено анкетирование курсантов 4-го и слушателей 5-го курсов очной формы обучения, а также слушателей, проходивших профессиональное обучение в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России и освоивших более 75 % образовательных программ. Выбор категорий респондентов можно объяснить следующими причинами: во-первых, это жители Крымского региона, имеющие представление о криминологической обстановке на полуострове; во-вторых, обучающиеся обладают необходимым уровнем специальных знаний и умений, требуемых для выполнения служебных обязанностей по конкретной должности в подразделениях МВД по Республике Крым, УМВД России по г. Севастополю, Крымского линейного управления МВД России на транспорте, а также Главном управлении Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, но еще не имеют доста-

точных навыков их применения. Общее количество опрошенных составило 599 человек.

Выбор Крымского полуострова в качестве предмета и объекта исследования поясняем геополитической, этноконфессиональной и социально-экономической спецификой региона, а также последствиями его пребывания в составе Украины (1991-2014 годы), частично или полностью ликвидированными после событий «Крымской весны». В анкету вошло 22 вопроса, касающихся возрастных, гендерных, демографических, морально-нравственных и этнонациональных особенностей, мотиваций, религиозных убеждений, семейного и материального положений, образа жизни, темперамента и других социально-психологических характеристик личности, которая может быть причастна к экстремизму или терроризму на территории региона.

Стоит указать, что задачей исследования являлось не составление некоего фоторобота, типажа, кальки крымского экстремиста или террориста и шаблонных типологий их поведенческой психологии на основании мнений будущих правоохранителей, а наоборот – анализ и развенчание сложившихся стереотипов, корректировка устоявшихся заблуждений о таких девиантах, в том числе при реализации соответствующих учебных дисциплин (модулей) и специальных курсов. Кроме того, в ходе социологического опроса были подтверждены, опровергнуты или поставлены под сомнение некоторые теоретические модели осуществления экстремистской и террористической деятельности.

Прежде всего отметим, что 3 из 4 опрошенных (75,5 %) считают, что таким лицом является мужчина. А половина из выбравших в качестве экстремистов и террористов женщин (79 из 147) отметила, что внешними признаками последних может быть имитация беременности, наличие детской коляски (как правило, для транспортировки взрывных устройств) или отсутствие макияжа. Участники опроса посчитали, что такие лица являются представителями наиболее социально активной части общества – молодежи: почти 81 % респондентов указали, что их возраст составляет от 14 до 30 лет (14-19 лет – 11,2 %, 20-25 лет – 37,2 %, 26-30 лет – 32,6 %). Полагаем, что помимо общественной инициативности данных возрастных групп сделанный выбор обусловлен еще и тем, что их представители стремятся к самореализации, самоутверждению, общественному одобрению своей деятельности (в том числе в виртуальном мире), у них присутствуют романтизм, увлеченность, честолюбие и конформизм, желание быть в центре внимания. С другой стороны, у лиц, потенциально привлекательных для экстремистских и террористических организаций, могут присутствовать психологическая незрелость, заниженная самооценка, ограниченный или неполноценный круг общения. Именно эти моменты активно и зачастую успешно используются их вербовщиками и идеологами.

Исследуя смежные вопросы, Р. Р. Абдулганеев и С. Н. Миронов выделяют такие особенности генезиса целей экстремистов для разных возрастных категорий: от 18 до 24 лет – получение поддержки и уважение среди «соратников», повышение личного авторитета; от 25 до 29 лет – неустроенность личной жизни, наличие уголовного опыта, непостоянство источников доходов [1, с. 43]. Согласны с перечисленными параметрами, за исключением наличия криминального прошлого. Аргументация нашей позиции будет приведена ниже.

Что касается социального положения таких лиц, то преимущественное большинство опрошенных высказало мнение о том, что они являются безработными либо не имеют постоянного источника доходов (61,9 %). Стоит указать, что, несмотря на определенное «омоложение» проявлений современного экстремизма [2, с. 401], терроризма и их суррогатов, только 7,4 % респондентов допустили возможную причастность учащихся к такой деструктивной деятельности. В то же время, учитывая (псевдо)религиозную подоплеку последней, 18,2 % считают возможным совершение исследуемых видов преступлений работниками религиозных организаций. Ввиду неурегулированности украинским законодательством контрэкстремистской и анти-террористической деятельности в конце 1990-х – начале 2000-х годов на полуостровном Крымском полуострове эта проблема стояла особенно остро [3, с. 116–117]. Так, неоднократно фиксировались факты нетрадиционного толкования ислама, в том числе иностранными эмиссарами и имамами-самоучками, активность идеологов международных террористических организаций, деструктивная деятельность тоталитарных сект, псевдорелигиозных течений и т.д. Но из-за отсутствия правовой базы не было оснований для прекращения их деятельности, изъятия экстремистской литературы и привлечения к ответственности виновных лиц. Как следствие, 6 из 10 респондентов (59,9 %) посчитали, что крымские экстремисты и террористы придерживаются именно исламского вероисповедания, а больше трети (34,6 %) склонились в сторону идейно-религиозного типа личности таких индивидуумов («боевики за веру»). Поскольку абсолютное большинство деструктивных проявлений в современном Крыму носит выраженную этнополитическую окраску, считаем, что на этот результат анкетирования в большей степени повлияли массмедиа, сформировавшие в общественном сознании неотвратимость угрозы тотального распространения исламского терроризма (фундаментализма, радикализма и т.п.). Впрочем, нельзя исключать возможность превращения религии из инструмента социального контроля в технологию управления индивидуальным и групповым сознанием, средство манипуляции массами.

По мнению опрошенных, уровень материального положения лиц, причастных к экстремизму, терроризму, и их семей – ниже среднего (31,9 %), средний (26,9 %) и низкий (24,4 %). Вместе с тем интересно отметить, что некоторые из участников опроса указывали, с одной стороны, низкий уровень жизни крымских экстремистов и террористов (безработный или без постоянного источника доходов), а с другой – высокий уровень или выше среднего их материального положения. На наш взгляд, это можно объяснить получением ими неофициальных доходов, в том числе благодаря финансированию экстремизма и терроризма, или средств от иной противоправной деятельности. Наряду с этим, ни в коем случае не исключая меркантильную составляющую у членов экстремистских и террористических организаций, акцентируем внимание на активное участие в их деятельности и лиц, которые получают или получили образование в престижных вузах, являются выходцами из благополучных, обеспеченных и полных семей [4]. Допускаем, что это связано с романтическим восприятием неких таинственных сообществ и законспирированных организаций (даже преследующих заведомо противоправные цели), духом авантюризма, жаждой риска, протестными настроениями в подростковой и молодежной среде, а также пресыщением жизнью.

По мнению респондентов, большинство лиц, причастных к экстремистской или террористической деятельности, практикуют несемейный образ жизни: не замужем (не женат) – 55,9 %, вдова (вдовец) – 8,5 %, разведен (а) – 8,4 %. Аналогичные выводы делают и другие исследователи [5, с. 25]. Только 27,2 % опрошенных посчитали, что такие лица могут быть замужем (женаты) либо проживать в гражданском браке. Данные результаты можно объяснить традиционно уединенным, скрытным образом жизни таких лиц, их замкнутостью, закрытостью и нелюдимостью (интроверты). Эти лица нередко одиноки, не имеют близких родственников или потеряли связь с семьей. И все же считаем, что, отвечая на этот вопрос, большинство респондентов подразумевало личности «рядовых» экстремистов и террористов-смертников.

Некоторые из опрошенных в анкете справедливо указывали, что национальность и отношение экстремистов и террористов к религии и верованиям значения не имеют. И все же, размышляя о национальности лиц, причастных к экстремизму или терроризму на территории региона (с возможностью выбора до 3-х вариантов), участники опроса отдали предпочтение крымским татарам (23,1 %), дагестанцам (19,3 %), украинцам (17,2 %), чеченцам (15,9 %) и ингушам (8,9 %). Наименьшую опасность, по мнению опрошенных, в контексте рассматриваемых вопросов представляют русские (7 %). Стоит отметить, что, выбирая варианты ответа на этот вопрос анкеты, респонденты неоднократно склонялись в пользу этносов Северо-Кавказского (дагестанцы, ингуши, чеченцы) либо Крымского (крымские татары, украинцы, русские) регионов. Выбор национальностей Северо-Кавказского федерального округа можем объяснить общей картиной восприятия экстремистских и террористических угроз в России, в том числе их религиозной составляющей, но не спецификой региона исследования и его криминологической обстановкой. При этом отдельные участники опроса в графе «свой вариант» писали «араб», очевидно, подразумевая выходцев из государств Ближнего Востока и Северной Африки, но ни один из вариантов не был связан со Средней Азией, представителей этносов которой периодически задерживают правоохранители за причастность к экстремизму и терроризму на территории «материковой» России.

Среди национальностей неожиданным для нас стал выбор респондентами турок (8,6 %). Поскольку с момента воссоединения Крыма с Российской Федерацией не было зафиксировано ни одного резонансного преступления экстремистской направленности или террористического характера, к которому был бы причастен гражданин Турецкой Республики, полагаем, что данное предпочтение объяснимо финансированием и иным содействием странами Арабского мира этническим общинам, псевдоблаготворительным фондам и (пара)религиозным объединениям мусульманского мира Крыма в период его пребывания в составе Украины. В частности, благодаря распространению на полуострове деструктивной идеологии и догмат «истинного» ислама, на рубеже веков сформировались не только очаги этнонациональной напряженности и религиозной нетерпимости, но и развертывались тренировочные лагеря по подготовке боевиков для международных террористических организаций. Вместе с тем каждый четвертый опрошенный посчитал, что и крымчане могут осуществлять экстремистскую или террористическую деятельность за пределами России – в Турецкой Республике и странах Арабского Востока (16,4 %), непризнанных и частично признанных государствах (9,2 %). Указанные результаты объясняем участием отдельных жителей полуострова в деятельности незаконных вооруженных

формирований на юго-востоке Украины (проведении так называемой «антитеррористической операции»), террористических организаций на Северном Кавказе, Сирийской Арабской Республике и др.

Почти половина респондентов посчитала, что лица, причастные к экстремизму и терроризму, имеют гражданство Российской Федерации (49,8%), практически каждый 4-й – стран ближнего зарубежья (23,9%), каждый 10-й – стран дальнего зарубежья (10,5%). По нашему мнению, такой выбор можно объяснить: во-первых, определенной международной изоляцией полуострова; во-вторых, неоднократными попытками дестабилизации криминологической обстановки и эскалации напряженности в регионе украинскими националистами и радикалами; в-третьих, непосредственным участием или содействием экстремистской и террористической активности в регионе проукраински настроенными крымчанами. В то же время 15,8% респондентов высказали мнение о том, что такие лица не имеют гражданства либо имеют статус беженца. Это свидетельствует о том, что опрошенные не видят реальных экстремистских или террористических угроз от различных миграционных процессов (прежде всего речь идет о значительных миграционных потоках граждан с юго-востока Украины в 2014-2015 годы), что также обосновано и в других наших исследованиях. Предполагаем, что игнорирование внешних угроз безопасности региона также связано с достаточно эффективной работой сотрудников органов безопасности и правопорядка по их нивелированию.

Бытующее мнение о низком уровне образования и общей культуры экстремистов и террористов констатировали и опрошенные. Так, отвечая на вопрос об образовательном уровне данных лиц, указывалось: неоконченное среднее общее – 11%, среднее общее, среднее профессиональное – 51,9%, неоконченное высшее – 14,2%, высшее – 22,9%. Полагаем, что низкий социальный статус таких категорий девиантов в обществе, обусловленный необразованностью, малообеспеченностью, невосприимчивостью и неустроенностью в личной жизни, является не причиной, а следствием их примыкания к деструктивным религиозным, национальным и политическим течениям. Именно последние истинные (противоправные, асоциальные) приоритеты и цели деятельности маскируют и подводят под потребности человека в самореализации, самоутверждении, самоуважении, коллективизме и удовлетворении других амбиций, тем самым обеспечивая консолидацию и лжесолидарность членов преступных групп и ячеек, формируя магнетизм и привлекательность экстремистских и террористических организаций.

Обратим внимание на то, что каждый 4-й респондент высказал мнение о том, что лицо, причастное к экстремизму и терроризму, ранее не привлекалось к уголовной ответственности, а каждый 5-й – к административной. Другими словами, участники опроса подтверждают наши выводы о пребывании большинства таких категорий граждан за пределами правоохранительного контроля. Об этом свидетельствуют и факты совершения террористических актов в России и за ее пределами лицами, которые никогда не состояли на профилактических учетах, не были фигурантами оперативных разработок или уголовных преследований. Поэтому утверждение Н. И. Журавленко о наличии потенциальных террористов исключительно в криминальной среде [6, с. 131] выглядит более чем дискуссионным.

Считаем, что приведенные выше данные обусловлены не только законспирированностью и автономностью террористических ячеек, виртуализацией информации

онного обеспечения экстремистской активности и вербовок новых адептов, осторожностью исполнителей террористических актов и дистанцированием от них их организаторов, но и отсутствием эффективных механизмов межведомственного взаимодействия, определенной закостенелостью современной правоохранительной системы, нежеланием многих руководителей смещать акценты с ликвидации (минимизации) последствий экстремизма и терроризма на предупреждение проявлений такой деструктивной активности, устранение ее детерминант.

Что касается нравственных и психологических признаков, характерных для исследуемых лиц (с возможностью выбора до 3-х вариантов), то среди них респонденты выделили: агрессию, жестокость, цинизм (21,2 %); злость, враждебность (12,2 %); безволие, слабохарактерность, повинование (10,6 %); ненависть, гнев, презрение (10,4 %); фанатизм, склонность к суициду (10 %); апатию, равнодушие (6,6 %); конфликтность, равнодушие к инакомыслию (6,4 %). Наименее типичными, по мнению опрошенных, для экстремистов и террористов являются такие черты, как: прямолинейность, бескомпромиссность (1,1 %); мнительность, недоверчивость (1,4 %); независимость, уединенность (2,2 %). В целом результаты ожидаемые, но в отношении темпераментов нами были получены следующие результаты: 42,6 % интервьюируемых отнесли экстремистов и террористов к холерикам, 21,5 % – к флегматикам, 19,5 % – сангвиникам и 16,4 % – меланхоликам. Безусловно, в чистом виде темпераменты не существуют, но выделенные респондентами черты характера не соответствуют наиболее популярному типуажу, выбранному при опросе (например, импульсивность и иррациональность холерика выбрали всего 2,6 % опрошенных). Возможно, это свидетельствует о противоречивости, нестабильности и алогичности характера действий, диссоциативном расстройстве идентичности и эмоциональной лабильности таких индивидуумов. Подтверждением наших предположений служат и результаты опроса: 28,6 % респондентов считают, что заинтересованность лиц в последствиях экстремистской или террористической деятельности обусловлена психопатологией. К схожим заключениям приходят философы и психологи [7, с. 58-59].

Проанализировав возможные цели деятельности лиц, причастных к экстремизму или терроризму, большинство из участников опроса (58,8 %) склонились к различным видам фанатизма (идейный, религиозный, расовый, спортивный и др.). 21,5 % респондентов посчитали, что проявления экстремизма и терроризма обусловлены политическими целями, 13 % – требованиями социальной справедливости и 6,7 % – желанием самореализации. Однако, как уже указывалось, при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности и террористического характера при декларации стремлений исключения социального неравенства либо самоутверждения идеологами деструктивного мировоззрения манипулятивно осуществляется подмена понятий. То есть под лозунгами достижения всеобщего мира и благополучия, восстановления исторической справедливости, укрепления национального самосознания, обеспечения религиозного согласия или политической стабильности в социуме организаторами экстремистских и террористических сообществ осуществляется политическое преследование оппонентов, реализуются идеи джихада (газавата), превосходства либо ущербности отдельных членов общества или их групп по этническому, национальному, территориальному или какому-нибудь другому признаку.

Среди причин асоциального поведения экстремистов и террористов участники опроса назвали указанных девиантов жертвами неблагополучных семей (11,2 %) и экстремистского окружения (34,5 %). Но большая часть респондентов (54,3 %) склонилась к обоим вариантам. Убеждены, что институт семьи может играть ключевую роль как в привитии подрастающему поколению деструктивного мировоззрения, вплоть до склонения к совершению актов суицидального терроризма, так и превенции потенциальных девиаций в подростковом возрасте, сублимации и ремиссии юношеского максимализма. При этом уверены, что положительный синергетический эффект будет давать связка семьи и образовательных организаций (в том числе высшего образования [8]).

Что касается внешних признаков террориста (с возможностью выбора до 3-х вариантов), то наибольшее количество анкетированных указало обязательное наличие религиозной, этнонациональной, нацистской и другой символики и атрибутики, ярко выраженной национальной одежды (18,5 %). Также участники исследования отметили: наличие растительности на лице, татуировок, шрамов (17,3 %); неадекватное поведение, отсутствие реакции на окружающих, отрешенный, неподвижный взгляд, повышенное потоотделение (16,7 %); отсутствие ярких, заметных деталей, наличие головного убора, несоответствие одежды погоде, сезону и размеру, чистая обувь (16,2 %); наличие багажа (14,6 %). Однако, как уже подчеркивалось выше, большинство лиц, причастных к террористической деятельности, не выделяются из толпы ни поведением, ни внешним видом, а существующие штампы, в том числе тиражируемые в буклетах, проспектах и памятках («Как распознать террориста-смертника в толпе?», «Как обнаружить террориста и защититься от нападения?» и др.), оставляют у правоохранителей и граждан устойчивое искаженное восприятие действительности.

В целом обобщенные данные социологического опроса коррелируют с результатами современных исследований проявлений экстремизма и терроризма на Крымском полуострове. Тем не менее, некоторые из полученных данных о личностях крымских экстремистов и террористов (национальность, вероисповедание, тип личности и др.) сформированы у участников опроса благодаря клише, используемых средствами массовой информации и в интернет-публикациях, или вследствие проецирования на регион «эталонной» симптоматики экстремизма, терроризма и их эрзацев в общероссийском или глобальном масштабах. Проведенное изыскание носит прикладной характер, его результаты могут быть использованы в криминологической теории, дальнейших научных исследованиях феноменов экстремизма и терроризма, а также контрэкстремистской и антитеррористической деятельности органов безопасности и правопорядка.

Список литературы:

1. Абдулганеев Р. Р., Миронов С. Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста / Р. Р. Абдулганеев, С. Н. Миронов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (31). – С. 42–47.
2. Пестрецов М. А., Зоз В. А. Факторы, влияющие на распространение экстремизма в России / М. А. Пестрецов, В. А. Зоз // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 399–402.
3. Скребец Е. С. Основные направления и особенности противодействия экстремизму в Крымском федеральном округе / Е. С. Скребец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – С. 114–118.

4. См.: Глава Ингушетии о ваххабитах: «На 80% – это выходцы из благополучных семей» <<https://eadaily.com/ru/news/2016/07/11/glava-ingushetii-o-vahhabitah-na-80-eto-vyhodcy-iz-blagopoluchnyh-semey>> (последнее обращение – 25 апреля 2019 г.).
5. Алиев Б. М., Танага И. В. Криминологический портрет личности террориста-смертника / Б. М. Алиев, И. В. Танага // в сб. науч. статей «Уголовное право, уголовный закон: теория и практика». – СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2017. – С. 21–25.
6. Журавленко Н. И. Криминологическая характеристика личности террористов / Н. И. Журавленко // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 116–132.
7. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе / А. А. Коноплева, Л. Н. Никитина, Н. В. Чудина-Шмидт // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
8. Смирнова М. И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД как условие противодействия информационному экстремизму / М. И. Смирнова // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики» (г. Симферополь, 8 октября 2015 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 285–287.

Butkevich S. The Profile of the Crimean extremist and terrorist (criminological aspects) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 102–109.

The article systematizes the results of a sociological survey on compiling a criminological profile of persons involved in crimes of an extremist and terrorist nature on the territory of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. Based on the analysis carried out, the author's vision of certain issues of preventing extremism and terrorism in the region is grounded. The results of research can be used in criminological theory, further scientific studies of the phenomena of extremism and terrorism, as well as counter-extremist and anti-terrorist activities of the security and law enforcement agencies.

Key words: the city of Sevastopol, criminological situation, criminological features, prevention of extremism and terrorism, psychological signs, the Republic of Crimea, sociological research.

Spisok literatury:

1. Abdulganeev R. R., Mironov S. N. Kriminologicheskij portret lichnosti sovremennogo ekstremista / R. R. Abdulganeev, S. N. Mironov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1 (31). – S. 42–47.
2. Pestrecov M. A., Zoz V. A. Faktory, vliyayushchie na rasprostranenie ekstremizma v Rossii / M. A. Pestrecov, V. A. Zoz // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2018. – № 10 (125). – S. 399–402.
3. Skrebec E. S. Osnovnye napravleniya i osobennosti protivodejstviya ekstremizmu v Krymskom federal'nom okruge / E. S. Skrebec // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – S. 114–118.
4. См.: Глава Ингушетии о ваххабитах: «На 80% – это выходцы из благополучных семей» <<https://eadaily.com/ru/news/2016/07/11/glava-ingushetii-o-vahhabitah-na-80-eto-vyhodcy-iz-blagopoluchnyh-semey>> (последнее обращение – 25 апреля 2019 г.).
5. Алиев Б. М., Танага И. В. Криминологический портрет личности террориста-смертника / Б. М. Алиев, И. В. Танага // в сб. науч. статей «Уголовное право, уголовный закон: теория и практика». – СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2017. – С. 21–25.
6. Журавленко Н. И. Криминологическая характеристика личности террористов / Н. И. Журавленко // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 116–132.
7. Коноплева А. А., Никитина Л. Н., Чудина-Шмидт Н. В. Анализ социокультурных и психологических предпосылок развития экстремизма в Крымском федеральном округе / А. А. Коноплева, Л. Н. Никитина, Н. В. Чудина-Шмидт // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 53–60.
8. Смирнова М. И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД как условие противодействия информационному экстремизму / М. И. Смирнова // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики» (г. Симферополь, 8 октября 2015 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 285–287. .